

БОЛЬШИЕ
NF
КНИГИ

Михаил Пыляев

СТАРАЯ
МОСКВА
♦
СТАРЫЙ
ПЕТЕРБУРГ

Санкт-Петербург

УДК 908(470+571)

ББК 26.89

П 94

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Подбор иллюстраций Екатерины Мишиной

ISBN 978-5-389-22564-0

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

СТАРАЯ МОСКВА

РАССКАЗЫ ИЗ БЫЛОЙ ЖИЗНИ
ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ СТОЛИЦЫ

ОТ АВТОРА

Настоящая книга составлена мною по тому же плану, как и ранее изданные сочинения мои «Старый Петербург» и «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга». Я не имел в виду написать полную историю Москвы, а лишь собрал здесь устные сказания современников и те сведения о ней, которые рассеяны в русских и иностранных сочинениях и которые рисуют преимущественно быт и нравы первопрестольной столицы в прошлом и начале нынешнего столетия.

ГЛАВА I

Москва при Екатерине II. — Улицы и мостовая. — Рогатки и фонари. — Характеристика высшего общества того времени. — Роскошь нарядов, экипажей и пр. — Модный молодой человек. — «Новоманерныя петербургския слова». — Великосветский жаргон. — Тетушка Петровской эпохи. — Жизнь на улицах в праздники. — Кулачные бои. — Место народных гуляний. — Рысистые бега. — Святочные катанья по городу. — Полицеймейстер Эртель и граф А. Орлов. — Праздники в Москве во время коронации Екатерины II. — Поездка царицы на поклонение мощам святителя Сергия. — Описание торжеств в лавре. — Уличный маскарад. — «Торжествующая Минерва». Авторы этого зрелища: Волков, Сумароков и Херасков. — Характеристика А. П. Сумарокова и Хераскова. — Церковь Св. Кира и Иоанна в память восшествия императрицы на престол. — Павловская больница. — Проект Воспитательного дома. — Постройка здания. — Пожертвования П. А. Демидова. — Чудачества Демидова. — Переписка с Бецким. — Благотворительная деятельность последнего.

Москва при императрице Екатерине II жила еще верная преданиям седой старины. По рассказам современников, в ней можно было найти много такого, до чего еще не коснулась эпоха преобразований Петра Великого.

Старина в Москве сохранялась не только в общественном быту, но и во внешнем устройстве города.

Москва при Екатерине II представляла несколько сплошных городов и деревень. Сама государыня, когда говорила про Москву, то называла ее «сосредоточием нескольких миров».

Имя города Москве давали только каменные стены Кремля, Китая и Белого города. Настоящий же город строился не по плану заморского зодчего, а по прихоти каждого домохозяина; хотя Бантыш-Каменский в биографии князя В. Голицына и говорит, что в угоду этому боярину было построено в Москве до 3000 каменных домов, но вряд ли это было на самом деле. Улицы были неправильные, где чересчур узкие, где не в меру уже широкие, множество переулков, закоулков и тупиков часто преграждались строениями.

Дома разделяли иногда целые пустоши, иногда и целые улицы представляли не что иное, как одни плетни или заборы, из-

редка прерываемые высокими воротами, под двускатной кровлей которых виднелись медные восьмиконечные кресты, да и о жизни на дворах давали знать лаем одни псы в подворотнях.

Дома богатых людей ютились на широких дворах в кущах вековых деревьев; здесь царствовало полное загородное приволье: луга, пруды, ключи, огороды, плодовые сады.

К богатым барским усадьбам прилежала большая часть густо скученных простых деревенских изб, крытых лубком, тесом и соломой. На улицах существовала почти везде невылазная грязь и стояли болота и лужи, в которых купалась и плескалась пернатая домашняя птица.

Большая часть улиц не была в те времена вымощена камнем, а по старому обычаю мощена была фашинником* или бревнами. Такие улицы еще существовали в Москве до пожара 1812 года. Грязь с московских улиц шла на удобрение царских садов, и ежегодно это удобрение туда свозилось по несколько сот возов¹. Насколько непроходимы были улицы Москвы от грязи, видно из того, что иногда откладывались в Кремле крестные ходы.

Мостить улицы камнем стали в Москве с 1692 года, когда Петр Великий издал указ, по которому повинность мостить камнем московские улицы разложена была на все государство². Сбор дикого камня распределен по всей земле: с дворцовых, архиерейских, монастырских и со всех вотчин служилого сословия, по числу крестьянских дворов, с десяти дворов один камень, мерою в аршин, с другого десятка — в четверть, с третьего — два камня, по полуаршину, наконец, с четвертого десятка — мелкого камня, чтобы не было меньше гусяного яйца, мерою квадратный аршин. С гостей и вообще торговых людей эта повинность была разложена по их промыслам. Все же крестьяне, в извозе или так приезжавшие в Москву, должны были в городских воротах представлять по три камня ручных, но чтоб меньше гусяного яйца не было.

На ночь большие улицы запирались рогатками; у которых сторожа были из обывателей, рогатки вечером ставились в десять часов, а утром снимались за час до рассвета. Сторожа при рогатках стояли иные с оружием, другие же с палками или

* *Фашинник* — хворост, пучки которого применяются для укрепления дорог.

«грановитыми дубинами». При опасностях сторожа били в трещотки.

Первые рогатки в Москве учреждены были при Иоанне III, в 1504 году; у них стояли караулы и никого не пропускали без фонарей; за пожарами наблюдала полиция с башенок, называемых тогда лантернами; последние устраивались над съезжими дворами. Первые фонари в Москве были зажжены осенью 1730 года, во время пребывания двора в Москве; поставлены они были на столбах, один от другого на несколько сажен; фонари были в первое время слюдяные.

Некоторым обывателям, у которых окна выходили на улицу, позволялось ставить на окнах свечи; как последние, так и фонари горели только до полуночи. В 1766 году всех фонарей на столбах было 600; в 1782 году фонарей было уже 3500 штук, а в 1800 году фонарей в Москве стояло до 6559 штук. Каждый фонарь в первое время по постановке обошелся казне по одному рублю. На больших улицах расставлены фонари были чрез 40 сажен; по переулкам, от кривизны их, против этого вдвое.

В екатерининское время московское высшее общество было далеко не на высокой ступени умственного и нравственного развития — под золотыми расшитыми кафтанами таились старинные грубые нравы.

Такие противоречия заставили литераторов того времени выступить с обличительным протестом против нравов высшего общества, где на первом плане была только одна мода. По требованиям моды роскошь в костюмах доходила до крайностей: бархат, кружева и блонды*, серебряные и золотые украшения считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились с золотым шитьем и с золотым галуном, и не носить такого кафтана для светского человека значило быть осмеянным. Щеголь должен был иметь таких дорогих кафтанов по нескольку и как можно чаще переменять, шубы были бархатные, с золотыми кистями; на кафтанах тоже подле петель привешивались иногда кисти, а на шпаге ленточка; манжеты носились тонкие кружевные, чулки носили шелковые со стрелками, башмаки с красными или розовыми каблуками и большими пряжками; имели при

* *Блонды* — шелковое кружево.

себе лорнет, карманные часы, по несколько золотых, иногда осыпанных бриллиантами табакерок с миниатюрными портретами красавиц или с изображением сердца, пронзенного стрелой, и другие драгоценные безделки; на пальцах множество колец, а в руках трость.

Но особенное внимание щеголей было обращено на головную уборку: завивание волос, пудру и парики. Убрать голову согласно с требованиями светских приличий как для мужчин, так и для женщин было хлопотливое и нелегкое искусство. Волосы были завиваемы буколь в двадцать и более, щеголи просиживали за таким занятием часа по три и по четыре. Кудри завивали наподобие «заливных труб и винных бочонков», как острил журнал «Пустомеля».

Вот как, по свидетельству сатирических листков, проводил свое время модный молодой человек, носивший в екатерининское время названия щеголя, вертопраха и петиметра*. «Проснувшись он в полдень или немного позже, первое мажет лицо свое парижскою мазью, натирается разными соками и кропит себя пахучими водами, потом набрасывает пудремань и по несколько часов проводит за туалетом, румяня губы, чистя зубы, подсурмливая брови и налепливая мушки, смотря по погоде петиметрского горизонта. По окончании туалета он садится в маленькую, манерную карету, на которой часто изображаются купидоны со стрелами, и едет вскачь, давая прохожих, из дома в дом».

В беседе с щеголихами он волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; его за это называют «резвым ребенком». Признание в любви он делает всегда быстро; например, рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, он вдруг прерывает разговор: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? Вить я влюблен в вас до дурачества» — и бросает на нее «гнилой взгляд». Щеголиха потупляется, будто ей стыдно, петиметр продолжает говорить ей похвалы.

После этого разговора щеголиха и петиметр бывают несколько дней безумно друг в друга влюблены. Они располагают дни свои так, чтобы всегда быть вместе: в «серинькой»³ ездим в английскую комедию, в «пестринькой» бываем во французской,

* *Петиметр* — молодой франт, вертопрах.

в «колетца» — в маскарade, в «медный таз» — в концерт, в «сай-ку» — смотрим русский спектакль, в «умойся» — дома, а в «красное» — ездим прогуливаться за город. Таким образом петиметр держит ее «болванчиком» до того времени, как встретится другая.

На жаргоне петиметров было много слов, буквально переведенных с французского языка; такие слова назывались «новоманерные петербургские слова». Современная комедия не раз осмеивала этот язык. «Живописец» Новикова приводит интересные образцы этого модного щегольского наречия.

Например, слово «болванчик» было ласкательное — его придавали друг другу любовники, оно значило то же, что *idole de mon âme**; «Ах, мужчина, как ты забавен! Ужесть, ужесть! Твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут». Маханьем называлось волокитство. «Ха, ха, ха! Ах, монкер**, ты уморил меня!» — «Он живет три года с женою и по сю пору ее любит!» — «Перестань, мужчина, это никак не может быть, три года иметь в голове своей вздор!». «Бесподобно и беспримерно» в особенном новом смысле, например: «Бесподобные люди! Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает, а он так темен в свете, что по сю пору не приметил, что это ничуть не славно и совсем неловко; он так развязен в уме, что никак не может ретироваться в свете». На простом языке эти странные слова без смысла обозначали следующее: «Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем не понятлив в щегольском обхождении и не разумеет того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами; он так глуп, что и сам любит ее равномерно».

Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовных похждений, страстных признаний и сплетен двусмысленного содержания о разных знакомых лицах; волокитство было и общим развлечением, и целью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нежная, предупредительная любовь между мужем и женою на языке модного света называлась смешным староверством. Торжество моды было тогда, если муж и жена жили

* Кумир моей души (*фр.*).

** *Монкер* (*фр. mon cœur*) — сердце мое.

на две отдельные половины и имели свой особенный круг знакомых: жена была окружена роем поклонников, а муж содержал «метрессу»*, которая стояла больших денег.

Но, несмотря на приведенные нами крайности, порожденные французским влиянием, в тогдашнем московском обществе еще много сохранялось старины. Сатирические журналы рисуют этих представителей старины, разумеется, в карикатуре, и на них нельзя опираться как на документы. Но в известной степени их показания все-таки заслуживают внимания.

Во «Всякой всячине», например, описывается визит молодого племянника у старой тетки: «Не успел последний войти к ней и поклониться, как она закричала на него: „Басурман, как ты в комнаты благочинно войти не умеешь?“ Я извинился, говоря, что я так спешил к ней подойти, что позабылся. Она глядела на него нахмурившись, в комнате было темно, тетка сидела на кровати, племянник хотел поцеловать ее руку, но тут встретил непреодолимые препятствия. Между ними находились следующие одушевленные и неодушевленные предметы. У самой двери стоял, направо, большой сундук, железом окованный; налево множество ящиков, ларчиков, коробочек и скамеечек барских барынь. При конце узкого прохода сидели на земле рядом слепая между двумя карлицами и две богадельницы. Перед ними, ближе к кровати, лежал мужик, который сказки сказывал; далее странница и две ее внучки — девушки-невесты, да дура. Странница с внучками лежали на перинах; у кровати занавесы были открыты, вероятно от духоты, ибо тетушка была одета очень тепло: сверх сорочки она имела лисью шубу. Несколько старух и девок еще стояло у стен для услуг, подпирая рукою руку, а сею щеку. Их недосуги живо изображало растрепанное убранство их голов и выпачканное платье. Племянник так и не достиг со своим поклоном к тетке, он передалив человек пять и перебил множество посуды и в конце концов был очень рад, что кой-как выскочил поздорову из комнаты своей родственницы».

Если можно было встретиться с таким образом жизни в дворянском быту, то еще проще была в то время жизнь посадских людей и простолюдинов.

* *Метресса* — любовница.

Например, когда богатый человек едал на серебре десятки кушаньев, простолюдин ел хлеб пополам с соломой, лебедой, спал прямо на полу в дыму с телятами и овцами, а летом и осенью простой народ прямо спал на улицах; на Москве-реке и Яузе мылись лица обоего пола прямо открыто на воздухе; стирали свое белье. Ниже мы прилагаем изображение Серебрянских бань на реке Яузе* — бани эти существовали еще в XVI столетии. В виду этих бань в приходе Николы в Воробьино стоял некогда родовой дом драматурга А. Н. Островского. Здесь талантливый писатель написал целый рой своих неувядаемых комедий. Теперь в доме Островского открыто распивочное заведение и как раз, где помещался письменный стол бессмертного художника, стоит стойка кабатчика. Описывая картину тогдашнего уличного быта, мы находим, что на «Вшивом рынке» собиралась целая толпа мужчин, которые там стриглись, и от этого рынок был постоянно устлан волосами, будто ковром.

Посадские и простой народ летом ходили в халатах или рубахах, а зимою носили тулупы, крытые китайкою или нанкою**; летом на головах имели круглые шляпы и картузы, а зимою шапки и меховые картузы. Отличительный наряд женщины простого сословия было покрывало, которое называлось накидкою. Накидки обыкновенно были ситцевые, но зажиточные носили «канаватные»*** с золотом — бывали такие накидки ценою по сту рублей и более; выйти без такой накидки из дому почиталось за стыд; обыкновенная одежда баб состояла из рубашки с широкими рукавами и узенькими запястьями.

У пожилых женщин был у рубашек высокий ворот и широкий воротник, юбка и душегрейка или шушун — последние были разных покроев; голову повязывали платком. В старину все купчихи носили юбки и кофты, а на головах платки; последние были парчовые, газетовые****, тканые, с золотыми каймами, ши-

* Указание на иллюстрации в прижизненном издании. — *Примеч. ред.*

** *Китайка* — старинная плотная, обычно синего цвета, ткань, сначала шелковая, которую привозили из Китая, позднее хлопчатобумажная, российского производства. *Нанка* — грубая хлопчатобумажная ткань, обычно желтого цвета.

*** *Канават* — старинная шелковая ткань.

**** *Газет* — парча с шелковой основой и гладким серебряным или золотым тканым узором.

тые золотом, битые канителью*; бывали платки по сту и более рублей; дамы, как в богатых, так и в бедных домах, носили бумажные вязаные колпаки. По праздникам же выходили на улицу в дорогих кокошниках, убранных жемчугом и драгоценными камнями; на шее было «перло» (жемчужная нитка).

В праздничные дни все женщины являлись на улицу — старые садились на скамейках или на «завалинках» у ворот и судачили, молодые качались на улицах на качелях и досках. Зимой катались женщины и мужчины на коньках по льду, также катались на салазках с гор.

В Китай-городе, позади Мытного двора, была устроена такая катальная гора известным Ванькой Каином; она долго после него носила название Каиновой. Зимой народ также в праздничные дни собирался на льду на кулачные и палочные бои. Охотники собирались в партии и таким образом составляли две враждебные стороны. По свисту обе стороны бросались друг на друга и бились жестоко, многие выходили навек из битвы изуродованными, других выносили мертвыми.

Вступая в единоборство, кулачные бойцы предварительно обнимались и троекратно целовались. В екатеринское время на Москве кулачным ратоборством славился половой из певческого трактира Герасим, родом ярославец; это был небольшого роста мужик, плечистый, с длинными мускулистыми руками и огромными кулаками.

Этого атлета где-то отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала чесменскому герою графу Орлову; последний был большой охотник до таких ратоборств. В зимнее время знаменитые кулачные бои составлялись под старым Каменным или Троицким мостом, под которым была мельница, и речка Неглинная для этого запружалась; от запрудки здесь образовывался широкий пруд, почти во всю длину теперешнего верхнего кремлевского сада. В кулачных боях принимало участие и высшее тогда дворянское сословие. В дни, когда не было боев, охотники до рысаков потешались на борзых конях, в маленьких саночках либо в пошевнях**.

* Отделанные тонкой серебряной или золотой нитью.

** *Пошеви* — широкие сани, внутри обшитые лубом.

Здесь же об Масленице строились горы, балаганы (комедии) и было народное гулянье, где знать московская, чиновники и горожане с своими семействами проезжали кругом гулянья, простые же люди катывались с гор; женщины толпились около комедий и шатров бакалейных. Молодежь же фабричная собиралась в то время на подгородках и билась на кулачки. Подгородками назывались два места на берегах той же Неглинной, одно выше Курятного, или Воскресенского, моста, под стеною Китая-города, по левому берегу Неглинной до старого пушечного, или полевого, двора, или место, где теперь стоят Челышева бани и где фонтан с площадью; все это пространство называлось верхним подгородком.

Другой, нижний подгородок был на месте нынешнего нижнего кремлевского сада, что между Троицкими и Боровицкими воротами. Ни по тому, ни по другому подгородку проездов не было. Чаще же охотники до рысистого бега выезжали кататься по набережной Москвы-реки, от Устинского Неглинного моста до Москворецкого, где теперь старая кремлевская набережная, либо в село Покровское, или за Москву-реку на Шабаловку, потому что набережная в то время, не мощенная и не обложенная камнем, была малопроезжа и потому просторна для рысистого бега.

Улицы Покровского села, Старой Басманной и Шабаловки всегда были широки, длинны, просторны, гладки и без ухабов и бойков, которые по проезжим улицам Москвы выбивались обозными лошадьми, обыкновенно идущими одна за другою вереницею и ступая одна за другою след в след.

Рысистая охота гоняться друг за другом в то время жила только в купеческом сословии. Ездили купцы обыкновенно в одиночку на легких козырных санках с русскою упряжью; резвых рысаков в то время называли «катырями»; ни красота статей, ни порода не принимались в расчет, требовалась одна резвая рысь, скачь осмеивалась.

Чиновная знать и дворяне-помещики катались по всем лучшим московским улицам в городских санях каретной работы на манежных кургузых лошадях с немецкою упряжью. Сани были богатой нарядной отделки с полостями, с кучерскими местами и запятками, на которых стояли лакеи или гусары, а иногда и сами господа.

Сани бывали двухместные, большие с дышлами, запрягались парюю, четвернею, иногда и шестернею цугом. Бывали и особенные беговые сани-одиночки, без кучерского места; у них была на запятках сидейка, на которой сидел верхом человек. Эти санки наружно отделявали пышно, с бронзою или в серебре, внутри обивали ярким трипом*, полость такого же цвета, подпушенная мехом; оба полоза своими загнутыми головами сходились вместе на высоте аршин двух от земли и замыкались какою-нибудь золоченою либо серебряною фигурою, например головою Медузы, Сатира, льва, медведя с ушами сквозными для пропуска вожжей. Лошадь была манежная кургузая, в мундштуке с кутасами** и клапанами, в шорах с постромками, впрягалась в две кривые оглобли, с седелкою, без дуги.

Охотник садился в барское место, сам правил вожжами, на запятках сидел верхом гусар, держал легкий бич, щелкал по воздуху и кричал: «Пооди, пооди, берегись!» Такие святочные катанья продолжались до 1812 года.

Проездки и кулачные потехи на пруду существовали только до 1797 года; в этом году мельница под каменным Троицким мостом уничтожена, Неглинный пруд спущен, горы с комедиями переведены на Москву-реку, к Воспитательному дому. По Кремлевскому берегу, который до этого был в природном виде, стали от самого каменного до деревянного Москворецкого выводить из камня набережную. Да притом в это время поступивший новый обер-полицеймейстер Эртель строго запретил на улицах скорую езду.

Почти в эти же года приехал в Москву на постоянное свое житье чесменский герой граф А. Г. Орлов, устроил свой бег под Донским и начал кататься в легких беговых саночках, с русскою упряжью, как ездят и теперь. Вся московская знать стала искать с ним знакомства и с его позволения стала выезжать к нему на бег, строго подражая ему в упряжке, и с этого времени немецкие нарядные санки стали свозиться в железный ряд на Неглинную как старье, и тут в пожар 1812 года они сгорели чуть ли не все. В летнее время охотники до конского бега из купеческого сословия выезжали на Московское поле, между заставами Тверскую

* *Трип* — шерстяной бархат.

** *Кутас* — шнур с кистями, бахромчатое украшение.

и Пресненскою, либо на Донское поле, что было между улиц Серпуховскою и Шабаловскою; оба эти места были песчаны, широки и малопроезжи.

Охотники катались на дрожках-волочках — это были те же беговые дрожки, только пошире, на железных осях, без переднего щитка. Эти волочки и послужили графу Орлову образчиком для беговых дрожек теперешнего вида. В двадцатых годах нынешнего столетия появился для такого катанья новый вид дрожек, который у извозчиков слыл под именем «калиберца».

В тридцатитрехлетнее царствование Екатерины II Москва видела много веселых и тяжелых дней. Веселые дни начались с приездом императрицы для коронации 13 сентября 1762 года⁴. В этот день состоялся торжественный въезд государыни.

Улицы Москвы были убраны шпалерами из подрезанных елок, на углах улиц и площадях стояли арки, сделанные из зелени с разными фигурами.

Дома жителей были изукрашены разноцветными материями и коврами. Для торжественного въезда государыни устроено несколько триумфальных ворот: на Тверской улице, в Земляном городе, в Белом городе, в Китай-городе Воскресенские и Никольские в Кремле.

У последних триумфальных ворот встретил Екатерину II московский митрополит Тимофей с духовенством и сказал императрице поздравительную речь. Въезд государыни был необыкновенно торжествен, Екатерина ехала в золотой карете, за ней следовала залитая золотом свита. Клики народные не смолкали.

Чин коронация⁵ происходил в воскресенье; стечение народа в Кремль началось еще накануне, хотя в тот день шел большой дождь; в день же коронация утро было пасмурно, но к вечеру погода разгулялась. По первому сигналу из двадцати одной пушки в 5 часов утра все назначенные к церемонии персоны начали съезжаться в Кремлевский дворец, а войска построились в 8-м часу около соборной церкви и всей Ивановской площади.

В 10-м часу затрубили трубы и забили в литавры, и по этому сигналу двинулась процессия в церковь. Государыня между тем, во внутренних своих покоях приготовившаяся к священным таинствам — миропомазанию и причащению, вошла в большую аудиенц-камеру, куда уже все регалии из сенатской камеры принесены были и положены на столах по обе стороны трона.

Когда все государственные чины собралась, императрица села под балдахин в кресла свои. В это время духовник государыни, Благовещенского собора протопоп Феодор, стал кропить святою водою путь государыни.

Как только государыня из дворца вышла на Красное Крыльцо, начался звон во все колокола и военная салютация. При приближении к соборным дверям государыню встретил весь церковный синклит*, до двадцати архиереев и более сорока архимандритов во главе с архиепископом Новгородским, который поднес государыне для целования крест; митрополит Московский окропил святою водою. Государыня села на приготовленный ей престол.

В это время она надела на себя порфиру** и орден Андрея Первозванного, а когда возложила на себя корону, то на Красной площади произведена была стрельба. После этого все чины двора принесли ей поздравление, а новгородский архиепископ Дмитрий сказал ей поздравительное слово.

Выход из храма был не менее торжествен — все войска при виде государыни в короне и порфире производили салютации. Государыня пошла в Архангельский собор, где поклонилась усопшим предкам, после этого в Благовещенский собор и там приложилась к святым мощам и затем возвратилась во дворец.

Императрица Екатерина в своей аудиенц-камере села под балдахин и жаловала многих разными милостями. Потом царица отправилась в Грановитую палату, где происходил обед.

Во время стола исполнялся концерт на хорах, вокальный и инструментальный. По окончании стола государыня возвратилась в свои покои, и в тот день ничего более не происходило. При наступлении ночи весь дворец Кремлевский и все публичные строения, как и колокольня Ивана Великого, были иллюминированы.

В полночь государыня вышла инкогнито на Красное Крыльцо и любовалась на иллюминацию. В эту ночь, по словам очевидца, вся Москва пылала огнями; на выстроенных ко дню приезда государыни триумфальных воротах горели разные щиты: на одном был представлен гелиотроп (цвет, подобный солнцу),

* *Синклит* — собрание высокопоставленных лиц.

** *Порфира* — пурпурная мантия монарха.

Пыляев М.

П 94 Старая Москва ; Старый Петербург / Михаил Пыляев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 992 с. : ил. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22564-0

Михаил Иванович Пыляев (1842–1899) родился в Гдове, учился в Санкт-Петербурге, слушал лекции в Харьковском университете, много путешествовал, в том числе по Сибири и Кавказу, по Турции и Египту. В столичных изданиях Михаил Пыляев публиковал статьи по истории театра и балета, обзоры художественных выставок, писал о событиях культурной жизни Санкт-Петербурга. В 1879 году несколько статей о петербургской старине положили начало будущим сборникам «Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы» и «Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы», сникским автору славу тонкого знатока истории. Для нас сочинения Михаила Пыляева остались зачастую единственным источником фактов, почерпнутых автором из частных архивов, впоследствии утраченных. Но и сами по себе эти чрезвычайно обаятельные повествования, своеобразные путеводители по минувшим дням двух российских столиц, даже более века спустя заслуженно пользуются любовью читателей.

УДК 908(470+571)
ББК 26.89

Литературно-художественное издание

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ПЫЛЯЕВ

СТАРАЯ МОСКВА

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Раткевич

Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова

Корректоры Наталья Бобкова, Маргарита Ахметова, Валентина Гончар

Главный редактор Александр Жижаренцев

Подписано в печать 16.01.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 60,76.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –

обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества

размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-NFB-31541-01-R